

УДК 82.161.1.(091)"18"

КОНСТАНТА «АМЕРИКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Анна Альбертовна Арустамова

доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. arustamova@perm.ru

Борис Вадимович Кондаков

профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. kondakov@psu.ru

В статье рассматриваются семантические границы константы «Америка» и способы ее воплощения в русской литературе XIX в. на широком материале художественной, художественно-публицистической литературы, а также травелогов. Авторы обращают особое внимание на роль рассматриваемой константы в развитии общественно-философских идей XIX в., показывают связь константы «Америка» с другими универсалиями русской культуры, а также анализируют формы ее проявления в поэтике литературного текста.

Ключевые слова: константы культуры; межкультурная коммуникация; хронотоп; образ Америки; символ; мифологема.

В процессе изучения национальных культур могут быть выявлены константы, которые оказывают существенное воздействие на историческое развитие страны, на художественное сознание. Они выполняют функции культурно-исторических ориентиров, активно вступающих в содержательный творческий диалог с другими константами.

Константы культуры представляют важный аспект национального самосознания и фиксируются в слове, в системах идей и образов. В процессе бытия культуры, социальных и культурных преобразований они многократно интерпретируются, приобретают символический смысл, наполняются многочисленными смысловыми ассоциациями и контекстами, образуя национальную концептосферу.

Процесс формирования констант культуры связан с пространственными характеристиками регионов, с воздействием политических, экономических, религиозных, социальных и иных факторов, с участием той или иной цивилизации в процессе межкультурной коммуникации.

Такой константой, оказавшей существенное воздействие на развитие русской культуры XVIII-XX вв., является совокупность представлений об Америке. Изображение Америки возникает во множестве произведений русской ли-

тературы этого периода. Трудно назвать русского писателя, публициста, философа, критика, журналиста XIX в., который – в той или иной мере – не затронул бы этого вопроса. Среди писателей, отдавших дань этой теме, – А.С.Пушкин, П.Я.Чаадаев, В.Ф.Одоевский, В.К.Кюхельбекер, Н.В.Гоголь, И.С.Аксаков, А.И.Герцен, Н.Г.Чернышевский, Ф.И.Тютчев, И.А.Гончаров, И.С.Тургенев, М.Е.Салтыков-Щедрин, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой и многие другие.

Диалог с США на протяжении XVIII – XX вв. являлся важной частью русской культуры; в процессе этого диалога формировалось национальное самосознание, анализировались перспективы исторического развития России. Авторы произведений, в которых воплощалась тема Америки, затрагивали многие общечеловеческие проблемы и отвечали на ключевые вопросы времени. Получая информацию об американской жизни, русский читатель имел возможность сопоставить социально-политические институты США и России, в том числе институты невольничества и крепостного права, что способствовало развитию русской общественной мысли.

Русское самосознание в одних ситуациях притягивалось к Америке, в других – отталкивалось от нее. Для одних Америка оказывалась образ-

цом для подражания, идеалом, чем-то вроде Рая на земле и указывала направление, по которому должна развиваться Россия. Для других Америка была «проклятым местом» (аналогом Ада) и определяла вектор направления, в котором России развиваться не нужно.

В одних произведениях русские писатели и публицисты связывали с заокеанским миром большие надежды (А.Герцен, Н.Чернышевский), а в описаниях Америки доминировали мотивы открытия нового мира, знакомства с «незнаемым» (не случайно в русской просветительской и романтической литературе была очень популярна фигура Колумба (произведения А.Мерзлякова, Н.Полевого, гр. Перетц, А.Вельтмана). В других произведениях Америка представлялась как метафора жизненного краха, смерти героя или тупика в его судьбе (Ф.Достоевский, И.Тургенев).

В литературе путешествий можно выявить две ключевые тенденции. Первая связана с авторской интенцией открытия Нового Света, – далекого и неизвестного мира, с его «узнаванием» и стремлением подробно описать. Вторая предполагает «наложение» на ощущение открытия нового мира, возникающее в сознании читателя, большого количества сведений о США, уже известных русским людям, которые формируют русский взгляд на Америку. Первая тенденция в большей мере характерна для путевой литературы первой половины и середины XIX в. (морские травелоги, путешествие П.Свиньина, А.Лакиер), вторая – для травелогов второй половины-конца столетия, когда поток путешественников – как добровольных, так и вынужденных, – отправляющихся в Америку, существенно возрос (произведения Н.Славинского, А.Паевской, М. Владимирова и многие другие).

Интересно, что специфика восприятия США русской общественно-философской мыслью, отношение к Америке и к американской политической системе зависели не от идейных взглядов писателей или критиков, не от их принадлежности к той или иной общественной группировке, а от совершенно иных – культурологических – факторов. Так, и славянофилы (И.Аксаков, И.Киреевский), и «западники» (П.Чаадаев, А.Герцен, Н.Тургенев), расходясь друг с другом по большинству ключевых общественно-исторических вопросов, во взглядах на США почти полностью совпадали.

В своих работах представители обоих направлений общественной мысли, размышляя о роли США в мировой истории, неразрывно связывали их с раздумьями о судьбе России и о ее будущем. В исследованиях как славянофилов, так и запад-

ников анализировалась американская модель государства и общества, исторический путь, пройденный заатлантической республикой. Тема Америки становилась неотъемлемой частью размышлений над проблемой *самоидентификации* русской культуры (т. е. возможностей применения к русскому пути не только европейской, но и американской моделей развития).

Русские мыслители подвергали резкой критике принципы утилитаризма, «материальности» общества, которые, согласно представлениям И.Киреевского, П.Чаадаева, А.Пушкина, А.Герцена и др., являлись основополагающими для американского общества. Негативную оценку вызывал «индивидуализм» американцев (США, по мнению Герцена, – страна «расчетливая и холодная»). И для Герцена, и для Киреевского перенесение за океан базовых европейских ценностей и социально-политических принципов представлялись неудачным экспериментом.

В работах и славянофилов, и западников историко-философское обоснование получила высказанная в русской публицистике еще в начале XIX в. идея молодости двух наций и великой, мессианской судьбы обеих стран. Этой идеи, например, придерживались носители полярных политических и философских взглядов – И.В.Киреевский и Н.И.Тургенев; она сохраняла свою популярность в работах публицистов и литературных критиков на протяжении нескольких последующих десятилетий. При этом одной из центральных в работах и славянофилов, и западников являлась идея технического прогресса и свободы.

Воплощение темы Америки в русской литературе было тесно связано с развитием литературных направлений и стилевых течений в XIX в., с изменениями в системе жанров и типологии героев.

В произведениях русских писателей константа «Америка» могла выполнять различные художественные функции. «Америка» – в восприятии ее русской культурой – не имела отчетливых географических границ (это мог быть весь материк, только Северная Америка или, наоборот, только Южная Америка); она не связывалась и с определенным государственным политическим устройством (хотя нередко соотносилась именно с ним, – например, с республиканской политической системой США, понимаемой, правда, по-разному); представления об Америке не укладывались и в определенную оценочную систему. Америка – это одновременно и самое отдаленное от России место («заокеанская страна»), и одновременно часть самой России (северо-запад американского континента – Аляска – в силу исто-

рических обстоятельств воспринимается как форпост России, а форт Росс, принадлежавший русским, располагался на территории Калифорнии).

В публицистических произведениях Америка – это прежде всего государство США, обладающее определенной социально-политической системой, принципам которой нужно или, наоборот, не нужно следовать Российскому государству. Время, с которым связывались в русской культуре представления об Америке, также было разным: это могло быть «погружение» в прошлое (когда, например, речь шла о жизни «диких» народов, заселяющих американский континент); это могло быть актуальное для современной России настоящее; и, наконец, Америка могла интерпретироваться как потенциальное будущее России.

Самый простой вариант обращения к Америке в художественном произведении – когда Америка оказывается устойчивым *топосом*, местом описываемых событий.

Примером такого способа обращения к культурной константе может послужить произведение писателя второй половины XIX в. Н.Пазухина «На краю света. Рассказ из жизни русского путешественника». Этот текст интересен не столько своей художественной стороной, сколько использованными в нем культурными клише, мотивами, архетипическими сюжетами, весьма эклектично соединенными в его повествовании.

В основу произведения положены сюжет о блудном сыне и сюжет робинзонады. На корабле случайно встречаются два «путешественника» – старый (Акакий Иванович Буран) и молодой (Геннадий Петрович Урванов), и каждый рассказывает историю своей жизни. Оба героя, одержимые страстью к путешествиям, в конечном итоге оказываются в Америке. Цепь микроэпизодов, действие которых происходит в США, опирается на широкий круг путевой очерковой литературы последней трети XIX в., в которой развенчивается мифологема «земли обетованной». На краю света герой узнает и голод, и одиночество, и бесприютное скитальчество. Пазухин в схематичном виде передает сюжет судьбы, ожидающей в Америке многих переселенцев. Испытав немало бедствий за океаном, и Урванов, и Буран возвращаются «на родину, в милую Россию», «дорогую Россию» [Пазухин 1893: 89-90], которую покинули много лет назад.

Н.Пазухин оперирует схемами, характерными для мифологического мышления, одновременно редуцируя их. Америка осмысливается в рассказе как пространство, дальше которого ничего нет

(топос «края света»). Понятие «края света» становится *пуантом*, обыгрываемым в ключевых эпизодах (например, эпизод, в котором герой становится жертвой мошенников, в результате чего рассказ обретает структуру анекдота о простяке). Очевидна назидательность текста, характерная для произведений массовой литературы: только на родине герои могут обрести благополучие и покой. Члены оппозиции, организующие текст, маркированы вполне определенно: «земле неизвестной» противопоставлено домашнее, обжитое пространство, нестабильному – устойчивое, хаотичному и чужому – упорядоченное и «свое».

В классических произведениях русской литературы константа «Америка» обычно имеет более сложные функции. Как правило, это сложный многозначный символ, тесно связанный с идейным содержанием произведения, с его сюжетом и композицией.

Многозначное представление об Америке мы встречаем в «географическом романе» И.А.Гончарова «Фрегат Паллада». В этом произведении ведущим является принцип включения национального, с одной стороны, в оппозицию *свое – чужое*, а с другой – в контекст мировой культуры. Такое «многомерное» видение не только выявляет особенности художественного мышления Гончарова, но и помогает в конечном счете лучше понять *инокультуру* и осмыслить своеобразие русского национального характера.

Анализ «Фрегата Паллады» демонстрирует, что в русской культуре при рассмотрении темы Америки нередко ставится *комплекс просветительских идей*, традиционно связываемых с культурой XVIII в.

Авторская позиция в романе европоцентрична. Писатель полагает, что достижение гармоничного миропорядка возможно через открытость миру, просвещение, основанные на европейском мироощущении. Поэтому в диалоге *Восток – Запад* писатель, наряду с исследованием роли Америки, большое внимание уделяет «цивилизующей» роли России. Отсюда, согласно логике писателя, возникают постоянные упоминания одновременно с Америкой и России как равноправного носителя идей европейской цивилизации. Так, размышляя о судьбе Японии и японцев, повествователь не раз подчеркивает: «...Им ничего больше не остается, как... отделиться под руководство старших. Кто же будут эти старшие? Тут хитрые, неугомонные промышленники, американцы, здесь горсть русских... Если не нам, то американцам, если не американцам, то следующим за ними... суждено... влить в жилы Японии... здоровые соки» [Гончаров 1997: 353].

Однако разница между вариантами англо-американского и русского просвещения принципиальная. Различия выявляются в процессе их сопоставления. Писатель отвергает возможность насильственного наступления западной цивилизации на свободу носителей восточной патриархальной культуры (например, японцев, китайцев) или «детей природы» (ликейцев, якутов), «переделки» их самобытного мира на западный манер. Осознание себя на фоне «инога» позволяет лучше увидеть перспективы собственного пути.

Роман завершается главами, посвященными Сибири и будущему «России молодой». С одной стороны, такова логика маршрута путешественника, с другой – пронизывающее весь роман сопоставление русского и иноземного, России и других народов органично предполагает напряженные раздумья о судьбе Отечества.

Тем существеннее, что в книге рядом начинают звучать две темы – Русской Америки и обустройства Сибири. Описывая освоение Сибири, этого «молодого края», Гончаров показывает пути формирования «центра сильного народонаселения и деятельности» [Гончаров 1997: 702]. В этом освоении можно увидеть нечто общее и с историей заселения земель в Америке; в то же время писатель видит рождение «русского, самобытного примера цивилизации, которому не худо бы поучиться некоторым европейским судам, плавающим от Ост-Индии до Китая и обратно» [Гончаров 1997: 685].

В романе Гончаров высказывает мысль о том, что Сибирь является самобытным примером русской цивилизации. При этом писатель учитывает как положительный, так и негативный опыт заатлантической страны. Так, размышляя о справедливости запрета на распространение вина в Сибири и на Камчатке, он обращается к американскому историческому опыту и вспоминает печальную участь американских «диких»: «в этом молодом крае, где все меры и действия правительства клонятся к тому, чтобы с огромным русским семейством слить горсть иноплеменных детей... здесь вино погубило бы эту горсть, как оно погубило диких в Америке» [там же: 685]. Сопоставлению подвергаются и национальные характеры. Гончаров акцентирует такую черту русского характера, как стойкость, скромность, готовность до конца выполнять свой долг. Со всем в ином свете предстает американец «или англичанин какой-нибудь», который, к примеру, поохотившись «с толпой слуг, дикарей, с ружьями, палаткой...» [Гончаров 1997: 697], может растрюбить об этом по всему свету. Аллюзии на США не раз возникают в тексте, заставляя читателя постоянно сопоставлять обе страны.

В сибирских главах романа мощно звучит тема Русской Америки. Гончаров, показывая процесс распространения просвещения в Сибири, пронизывает текст сопоставлениями с просветительскими усилиями русских среди алеутов на Аляске. Писатель рисует подвиг миссионеров, в частности, о. Иннокентия Вениаминова, «который много лет подвизался на пользу подвластных нам американских племен, обращая их в христианскую веру» [Гончаров 1997: 688]. Гончаров убежден в правильности действий русских – как в Сибири, так и на Аляске. Просвещение, согласно концепции писателя, неизбежно придет в эти края. Подобно русским очеркистам, авторам трудов о Русской Америке первой трети XIX в., писатель полагает, что оно связано как со знакомством местного населения с техническими благами цивилизации, так и с проповедью евангельского слова. Как заметил В.И.Мельник, Гончаров противопоставлял религию и науку (см. об этом: [Мельник 1995: 428, 429]). Подобно русским просветителям первых десятилетий XIX в., писатель отчетливо формулирует идею благодетельности факта перенесения европейских идей и системы ценностей на нетронутую почву – будь то индейцы Аляски или коренные народы Сибири.

Таким образом, писатель вносит существенную лепту в русско-американский диалог середины столетия и – что принципиально важно – нащупывает точки притяжения и отталкивания России и США, улавливает сходство и различие между двумя национальными мирами, историческими путями двух стран, их местом на исторической и политической карте мира. Изображение встреч с американцами, множество культурных аллюзий, глубокое сопоставление русского и американского образа мира, типов цивилизаций заставляли читателя XIX в. посмотреть на США иными глазами.

Полный комплекс просветительских идей мы встречаем и в других произведениях на тему Америки, созданных в XIX в., – например, в «Жизнеописании А.А.Баранова» К.Хлебникова, которое было издано в 1835 г. в Петербурге. Автор подчеркивает драматизм жизненного пути Главного Правителя русских колоний, полного опасностей, взлетов и неудач: он интересен Хлебникову как гражданин и человек долга, для которого высшей ценностью признается жертвенное служение Отечеству.

Во всех ситуациях и событиях Баранов раскрывается как государственный деятель, все свои силы отдающий благосостоянию России. Важнейшими ценностями и для героя, и для повествователя являются забота о благе Отечества,

верность долгу, чувство чести, бескорыстие, глубокое удовлетворение от соблюдения норм просвещенного общежития, т. е. всего того, что составляет этический кодекс эпохи Просвещения.

Верность Главного Правителя этическому кодексу просвещенного человека начала XIX в. ярко проявляется и в его отношении к коренному населению Америки (алеутам, чугачам, тлинкитам и др.). По мнению автора, Баранову присуща подлинная справедливость, терпимость к «нецивилизованным» с европейской точки зрения «природным американцам», что характеризует его как гуманного и просвещенного человека.

Мировоззренческие позиции самого Хлебникова также носят просветительский характер. Он полагает, что просвещение может изменить естественного человека, приучить к цивилизованному общежитию, что, безусловно, служит всеобщей нормой для автора «Жизнеописания». Именно такие устремления дороги ему и в Баранове. Автор пишет о неусыпном старании Главного Правителя распространять просвещение на русских территориях, привить навыки европейского общежития среди «природных американцев», «умягчить нравы».

В тексте выстраивается оппозиция *дикости* – *просвещенности*: «Он (Баранов. – А.А., Б.К.) очень хорошо знал, что первые степени перехода от дикого состояния в гражданское составляют рукоделия и ремесла... что образование и просвещение должны разливаться от просвещенных пастырей и учителей...» [Хлебников 1835: 96]. И далее автор неоднократно подчеркивает, что просвещение воспринималось его героем как подлинная ценность: «...Баранов не упускал заботиться и о образовании умов молодых людей, уроженцев колонии. При нем в Ситхе существовала уже школа, в которой обучались грамоте и арифметике» и т. д. [Хлебников 1835: 199].

Тема Америки могла быть связана в сознании современников не только с комплексом просветительских идей, но и с романтическими концепциями личности и истории. Наиболее подходящим для романтической системы оказывался образ Христофора Колумба.

Обращение русской литературы к фигуре великого мореплавателя вполне закономерно. Исключительность судьбы Колумба, ее трагизм, взлеты и падения, переходы от безвестности к славе и величию, а затем к одиночеству, нищете и забвению, непонимание его дерзких замыслов окружающими, вынужденная зависимость от прихотей сильных мира сего, верность идее и мечте, пронесенная через всю жизнь, наконец, сам факт великого открытия – все эти обстоятельства делали личность Колумба чрезвычайно

значимой и привлекательной для русских писателей.

По сути русская литература создает своего рода «метатекст» «колумбианы», поскольку у разных писателей образ Колумба имеет одинаковые черты и связан с одними и теми же мотивами. Колумб предстает подлинным героем, остающимся до конца верным своей идее открытия нового мира, несмотря на непонимание и враждебное окружение. Конфликт героя и враждебного ему общества является центральным в произведениях А.Вельтмана, А.Писарева, Н.Полевого.

Пьеса А.Вельтмана открывается сценой назревающего на корабле бунта. Уже в самом начале произведения автор заостряет конфликт между Колумбом и офицерами корабля, в глазах которых мореплаватель выглядит бесплодным и опасным мечтателем, безумцем. «Педро (с злой насмешкой): “Он занят важным делом: Сидит и чертит планы надзвездных стран!”» [Вельтман 1842: 87]. Спутники Колумба сомневаются в том, что корабль найдет искомую землю и собираются убить своего капитана: «Новый свет, Чудный свет! Ищем-рыщем Много лет, Чего нет, Мы проищем... Да найдем, Не минем *Того света!*» [там же: 85–86]. Вельтман акцентирует конфликт в аспекте *невежество – просвещение*. В сцене столкновения с командой корабля Колумб апеллирует к доводам разума: «Рабы безумия! Что ж вы остановились?... Да, есть она (земля. – А.А., Б.К.), невежды, есть, И без нее земной бы шар хромал, Хромал, как жалкая калека, И равновесия закон его бы не носил Так плавно посреди бездонного эфира! Матросы: Землю, землю, Землю давай!» [там же: 98].

Авторы произведений единодушно подчеркивают непонимание Колумба современниками – аристократией, ученым сообществом, обывателями. Обратим внимание на общность мотивов, используемых обоими писателями, – вплоть до прямых текстовых переключек. В произведениях как Полевого, так и Писарева звучат романтические мотивы трагического одиночества героя, идея его противопоставленности толпе. Так, в «исторической комедии» Писарева один из персонажей – банкир Грифоньо, представляющий точку зрения большинства, – заявляет: «...Да нельзя ж вам быть всех нас умнее. Проект ваш никому на мысль не приходил. И вдруг один Колумб нечаянно открыл, что несколько веков всем было неизвестно! Для самолюбия, конечно, это лестно; Но самолюбие ужаснейший порок. Нет! Прежде яйцо поставьте на носок, – И первый я тогда ваш ум везде прославлю. А? – не поставите» [Писарев 1829: 56].

Тот же комплекс мотивов и почти буквальная перекичка с пьесой Писарева встречается в «историческом повествовании» «Христофор Колумб» Полевого: «Возможно ли, говорили Колумбу, – чтобы столько народов и столько умов, в течение столь многих столетий, столько ученых людей, светил науки и знания, в течение нескольких тысяч лет изучавших Космографию и строение неба и земли, наконец, столько путешественников и мореплавателей, протекавших сушею и морями по всем возможным направлениям, – ошибались!» [Полевой 1835: 77].

В своей диалогии Полевой, как и Вельтман, приводит множество примеров столкновения научной просвещенности опередившего свой век гения и обскурантизма толпы. Автор строит свой текст на контрастах. Одним из самых выразительных эпизодов является рассмотрение «Комитетом ученых людей» проекта Колумба. Полевой с иронией показывает столкновение позиций опирающегося на научные знания мореплавателя с богословами и учеными, заботящимися о том, «не ересь ли учение Колумба о круглости земли?».

На романтических контрастах построено и описание жизненного пути мореплавателя. Полевой постоянно сталкивает мотивы гонения, трагического одиночества героя и грандиозности, величественности его планов. Автор подчеркивает противоречия в судьбе героя, «обнажая» свои художественные приемы перед читателем: «Переза изумила обширность плана, достоверность и ясность, с какою излагал гость его свое великое предприятие. Открытие Нового Света и бедное пешеходство того, кто предполагал это открытие; безмерные надежды в будущем и стесненное состояние в настоящем – какие противоречия!» [Полевой 1835: 125]. Оппозиция масштабности мышления Колумба и ограниченности тех, кто вершил судьбами миллионов (испанский король и Изабелла; верховные правители инквизиции), является сюжетобразующей в первой части диалогии.

В «Открытии Америки» эта оппозиция продолжает оставаться одной из смыслообразующих. В центре повествования Полевого оказывается описание плавания Колумба. Как и Вельтман, писатель акцентирует противопоставление команды и капитана. Полевой, подробно повествуя о враждебном окружении мореплавателя, о непонимании его замыслов командой, замечает: Колумбу «надобно было победить... затруднения, происходящие от невежества и малодушия людей, с которыми он имел дело... к своему пламенному характеру и изобретательному гению он присоединял еще качества, столь редко соединяемые вместе, – глубокое познание сердца

человеческого, умение убеждать других, непреклонную настойчивость в преследовании своей идеи, полное владычество над самим собою и способность укрощать страсти людские и повелевать ими» [Полевой 1835: 190].

Вместе с тем было бы неверно представлять Колумба в романтической литературе как героя титанического, подобного байроновским героям-бунтарям, бросающим вызов всему миру и Богу. Колумбу Вельтмана, Полевого и Писарева знакомо состояние сомнений, тягостных раздумий, колебаний. Сомнение в своей правоте приводит героя к тяжкому сомнению в существовании Бога. Как правило, сомнения возникают в момент наивысшего напряжения действия – непосредственно перед криками, возвестившими открытие нового мира. Так, у Вельтмана: «Колумб (*смущенно*): “Ужель обман? Ужель океан Беспредельен? Нет, нет! Не верю! Нет! быть не может!.. И нет ее, И нет ума, И Бога нет, И призрак все!” (*Закрывает лицо руками*) ... (*С корабля Пинты раздается выстрел и в рупер*: “Земля! Земля!” *Колумб возводит глаза к небу; все останавливаются и безмолвно припадают на колена*)» [Вельтман 1842: 99-100].

Полевой также не раз показывает колебания в душе Колумба: «Неудовольствие дошло до такой степени и причины ропота казались столь основательными, что Колумб приведен был в замешательство...» [Полевой 1835: 197]. «Колумб опасался открытого возмущения» [Полевой 1835: 200]. «С наступлением темноты Колумб поместился на юте своего корабля. Тяжелы были ему сии минуты. Показывая другим вид совершенной уверенности и крепкой надежды, беспокойно устремлял он взоры на отдаление океана, стараясь заметить хоть неопределенные признаки берегов...» [Полевой 1835: 206-207].

Полевой пытается психологизировать свое повествование, показывая внутреннее состояние Колумба в те или иных переломных ситуациях. Писатель описывает момент, когда герой слышит выстрел, возвещавший об открытии «земли обетованной» – Эдема, Индии, как выясняется, – «Нового Света»: «Мысли и чувства Колумба... должны были быть глубоки, многообразны и тревожны... Трудно самому горячему воображению понять чувства, какие могли вмещаться в душе Колумба в минуту совершения его подвига. Сколько огромных предположений теснилось в уме его при виде земли, находившейся перед ним, но еще покрытой мраком ночи» [Полевой: 1842: 207 – 208].

Однако, в отличие от Вельтмана, Полевой не придает сомнениям своего героя «экзистенциальный» характер. Колумб в произведениях По-

левого – герой в полном смысле этого слова. Писателю дорога уверенность мореплавателя в собственной правоте, в истинности научного знания. Не случайно он горячо защищает своего героя: «Напрасно впоследствии старались отнять у Колумба честь непреклонного великодушия и уверяли, будто бы он приходил в отчаяние и хотел воротиться... Колумб упорно плыл на запад... Неудовольствию, ропоту подчиненных противопоставлял он сначала ласки, увещания и наконец смело и горделиво употребил власть, какую облечен был от правительства, когда подчиненные его явно возмутились 10-го октября» [Полевой 1835: 207-208].

В текстах, описывающих открытие Колумбом Америки, присутствует еще одна романтическая оппозиция: *Старый Свет (Европа) – Новый Свет*. Старый Свет изображен как мир известный, упорядоченный, освоенный. Новый Свет – как его антипод, мир «иной», неизведанный, чудесный и полный опасностей, и даже (в восприятии обывателей, толпы) – как *тот свет*.

Оппозиция *Старый Свет – Новый Свет (Европа – Америка)* в произведениях как Вельтмана, так и Полевого реализует принцип двоимирия, характерный для романтического мышления. Новый Свет становится символом высокой мечты, дерзания человеческой мысли, верности, несмотря на препятствия, избранному пути.

Обратим внимание на специфику семантики топоса «Новый Свет» у романтиков. Это не только *мифологема* чудесной «обетованной земли», «Новый Свет» в большой степени связывается с героикой духа человека, достижением – через препятствия и страдания – мечты, высокой цели, идеала. Не случайно ключевыми мотивами, связанными с сюжетной линией Колумба, становятся мотивы пути и познания человеком мира. Герой готов до конца следовать избранному пути: «Опасностей для человека нет... Преграды превозмочь... и к цели, К предназначению идти бесстрашно... О, где б ни пасть... но путь уже показан... Стезя пробита... Найдутся люди – и достигнут!» [Вельтман 1842: 96].

В монологах Колумба у Вельтмана отчетливо звучат фаустианские мотивы. «Но я ученик, я с указкой сажу Над книгой познания и время не трачу, Прилежно урок постигаю, твержу, Смирненно решаю святую задачу. Все в мире есть буква, все в мире число, И все сочетается таинством смысла» [Вельтман 1842: 96]. Характерный для романтиков поиск целостности и ощущение взаимосвязи всего сущего присутствует и в разработке темы открытия Колумбом Америки.

Как и в «Христофоре Колумбе», в рецензии Полевого «Америка до Колумба» звучит мысль о

том, что подвиг Колумба – это прежде всего пример дерзновенности человеческой мысли, мощи его разума, грандиозной масштабности идеи и верности ей. Полевому-романтику дорога воодушевленность героя великой целью. Определение «великая идея» является центральным в «историческом рассказе» «Христофор Колумб»: «После многолетнего размышления, носясь мыслию за пределами известного мира, он осуществил великую мечту своего воображения, воспламененного одною постоянною, глубокою идеею, он доказал гениальность своего предположения открытием, величайшим из всех дотоле совершенных» [Полевой 1835: 2].

Показательно, что писателю дорога в личности Колумба и такая актуальная для романтиков черта, как *целостность*. И в «Христофоре Колумбе», и в рецензии звучит мысль о соединении разума, глубоких знаний и интуиции гения. Поэтому столь настойчиво в рецензии подчеркивается приоритетность открытия Колумбом Нового Света, значимость его подвига в сравнении со скандинавскими «морскими разбойниками»: «Идея, воодушевившая Христофора Колумба на плавание через Атлантический океан, не имеет ничего общего с побудительными причинами путешествий скандинавских морских разбойников... деяния норманнов не только не превосходят заслуги Колумба, но по самому сравнению с его делами еще более возвеличивают блеск славы отважного генуэзца» [Полевой 1835: 1-2]. Его открытие воспринимается не только как подвиг, в результате которого Старый Свет оказался противопоставлен Новому, но и как возможность обретения единства человека и мира, что являлось мечтой романтиков.

Подобная трактовка деяния Колумба характерна и для Ф.Тютчева, подчеркивающего неразрывную связь гения и природы: «Так связан, съединен от века Союзом кровного родства Разумный гений человека С творящей силой естества... Скажи заветное он слово – И миром новым естество Всегда откликнуться готово на голос родственный его» [Тютчев 1980: 101]. Следует обратить внимание на то, что представление о трагичности человеческой судьбы, присущее лирике Тютчева, в данном тексте замещено не менее важной для его поэзии идеей соприродности человека и мира, «естества». Не случайно в знаменитом стихотворении «блажен» оказывается тот, кого призывали «всеблагие» божества.

Само открытие Нового Света в стихотворении Тютчева оказывается сродни творению мира демиургом, а сам Колумб – культурному герою. «Тебе, Колумб, тебе венец! Чертеж земной ты выполнивший смело И довершивший наконец

Судеб неконченное дело, Ты завесу расторг божественной рукой – И новый мир, неведомый, неожиданный Из беспредельности туманной На божий свет ты вынес за собой» [Тютчев 1980: 101]. Тютчев относит эпитет «божественный» к Колумбу, который довершает то, что не окончено самой Судьбой.

Тот же мотив соприродности гения и естества звучит и в стихотворении гр. Перетца. Однако герой в стихотворении Перетца является проводником божественной воли, а сам текст проникнут религиозной интонацией. «Пловец оглянулся, И девственный мир перед ним развернулся. Все ближе, яснее, вот берег, земля! Верь в промысел Божий, с надеждой сердечной Молись – голос твой до небес долетит. Природа и гений живут в дружбе вечной: Державный, он скажет – она совершит!» [Перетц 1840: 18].

Размышления русских писателей о подвиге Колумба и об открытии им Нового Света подводят их к постановке проблемы «культурной встречи» европейцев и коренных жителей Америки – индейцев. Оставаясь в целом на романтических позициях, каждый из писателей выстраивает свою логику взаимодействия миров. Так, Вельтман достаточно традиционен в обрисовке мира индейцев: это мир чистых, невинных детей природы, принявших со всей наивностью экспедицию Колумба за явление богов. «Колумб. Несу вам неба благодать я И свет от Божьего лица. Вы люди, вы мои собратья, Мы дети общего отца... Ветвь мира отдаю залогом Символа твоему, страна. Ты на руки сдана мне богом, Святым крестом осенена!» [Вельтман 1842: 104-105]. Вплетена в сюжет пьесы и любовная линия. Прекрасная Мьююталла, дочь вождя, глубоко и со всей искренностью чистого сердца полюбила Колумба. Любящая Колумба Беатрис, переодевшаяся в гардемарина Флоро, так говорит об этом: «Флоро. О, понимаю! И здесь нет свободы Для сердца от тайных оков! И эта питомица дикой природы Сознала в нем свойства богов!» [Вельтман 1842: 109].

Метафора «сердечных оков» – традиционный для литературы поэтизм – становится в пьесе основой сюжетной линии. Вельтман не только показывает трагизм судьбы героя, закованного в цепи и отданного под несправедливый суд, но и заостряет внимание на столкновении европейцев и индейцев. Автора интересует, что же принесло открытие Колумба не только Европе, но и заокеанскому миру.

Образ Колумба у Вельтмана обретает оттенок трагизма в связи с тем, что герой понимает обратную сторону своего открытия: «Колумб: Я новый свет открыл; крест водрузил на нем; Полмира чис-

того, младенческого предал Другому – гнусному, преступному полмиру... Я изменил невинным племенам, Я их убежище открыл. Убежище от скандальных пороков ваших... я в обитель мира Путь указал вам, нечестивцам; Внес вашего дыханья язву, Которая *младенцев* (курсив наш. – А.А.) заразила!» [Вельтман 1842: 124-125].

Своеобразное решение имеет тема Америки в творчестве Ф.Достоевского. В литературе первой половины – середины XIX в. присутствовало понятие Нового Света как «иног», «другого» мира, подчиняющегося своим законам. В романах писателя важной оказывается оппозиция *Россия – Америка* как противопоставление *своего* и *чужого*.

Исследователи творчества Ф.Достоевского подчеркивают, что смысловое поле понятия «Америка» в его произведениях достаточно широко – от категории морально-этического сознания до метафоры смерти [Ветловская 2002: 214]. Сходным образом определяет семантику этого понятия В.Е.Ветловская, анализируя роман «Преступление и наказание»: «К тому моменту, когда Свидригайлов предлагает Раскольникову бежать в Америку, молодой человек успел далеко заехать в указанную сторону. Ведь Америка здесь значит, между прочим, «новый свет» ... *иной* и *тот* свет... Туда нельзя опоздать» [Ветловская 2002: 144-145], поскольку для него характерно иное течение времени.

Америка в произведениях Ф.Достоевского – «закадровое» пространство иного мира, имеющего, между тем, непосредственное отношение к событиям романа и судьбам его героев. Изображение Америки (как и Швейцарии) у Достоевского устойчиво связано с сюжетным мотивом бегства. Герои «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых» думают об Америке в ситуации отчаяния и собираются бежать за океан от безысходности. Свидригайлов советует совершившему преступление Раскольникову ехать в Америку, туда же планируется бегство Мити Карамазова. Это бегство в мир, откуда не возвращаются (метафора смерти), а если и возвращаются, то «преображенными», изменившимися (но отнюдь не «возрожденными»).

В связи с этим кажется плодотворной мысль А.И.Чинковой о том, что в творчестве писателя совмещаются две мифологемы: путешествие в царство мертвых и поиски земного рая. Путешествие в Америку связывается с «неподлинным», искусственным бытием. Герои Достоевского пересекать океан в поисках новой жизни и новой земли, поскольку оторваны от родной земли. «Искусственность» мотивов заставила ехать Кириллова, Шатова и других соотечественников в

Америку. Однако искомого обретения не происходит [Чинкова 1997: 41] – вместо этого происходит «преображение».

В «Бесах» неоднократно подчеркивается, что Кириллов и Шатов вернулись из Америки изменившимися: там окончательно сложились их идеи, один из них приходит к мысли о человекобоге, другой – к политеизму. Достоевский показывает, как обе идеи оказываются неплодотворными: они буквально «съедают» своих носителей и приводят их не только к философской катастрофе, но и губят физически.

Если в «Бесах» преобразование героев происходит на духовном уровне, то в «Братьях Карамазовых» оно затрагивает телесный аспект и включается в сюжетное развитие. Митя, рассуждающий о возможном побеге в Америку, надеется на возвращение, но вернуться он может только в ином обличье. «Я к тому времени изменюсь, <...> мне доктор какую-нибудь бородавку подделает, недаром же они механики. А нет, так я себе один глаз проколю, бороду отпущу в аршин, седую... – авось не узнают» [Достоевский 1976: 186].

Пространство Америки – чужое для русского человека. Условие возврата оттуда – полная смена облика, ведущая к утрате собственного лица. Человек должен перестать быть собой, надеть маску: «всю жизнь американца из себя представлять буду» [Достоевский 1976: 186], и для героя это означает катастрофу всей жизни. Не случайно Митя, предощущая трагизм такой судьбы, говорит о возможном изменении облика с надрывом и отчаянием.

В рассказе Шатова об Америке диалогически сталкиваются мысль о подражании Европе и Америке и утверждение о необходимости следовать собственным путем. Полемика эта была тем более актуальна, что в 1860-е и в 1870-е гг. в среде русских «прогрессистов» существовало убеждение о преимуществе американских социальных институтов. Позитивизм и технократизм Нового Света внушают ужас Мите Карамазову, решившемуся «пострадать» – принять на себя крест. Америка для него не хуже каторги: при развитой технике («будь они там все до единого машинисты необъятные какие» [Достоевский 1976: 186]) там живут люди другой души. Цивилизация без Бога обесценивает и обесмысливает истинное человеческое бытие. Квинтэссенцией выражения этой бесплодности (профанирования человеческого существования) становится рассказ капитана Лебядкина об американце, завещавшем свое состояние на «положительные науки», свой скелет – в академию, а кожу – на барабан. Лебядкин, трагически сопоставляющий

Россию и Америку («увы, мы пигмеи сравнительно с полетом мысли Северо-Американских Штатов»), демонстрирует всю абсурдность воплощения этой идеи на русской почве.

В Америку отправляются «люди из бумажки», мыслящие стереотипами, чтобы осуществить «книжные» идеи. Любую несообразность, встреченную в этой стране, они воспринимают как должное, «с удовольствием». Иронически показывая схематизм и догматичность мышления «людей из бумажки», Достоевский противопоставляет Россию западному миру – миру технократизма и позитивизма.

В художественном мире Достоевского пребывание в заокеанском мире оборачивается либо духовной, либо даже физической смертью: Америка оказывается символом жизненного или идейного краха героев (последний «вояж» Свидригайлова). Однако в подтексте романа крах героя намечен ранее. Предлагая Дуне бежать в Америку или Швейцарию, Свидригайлов понимает иллюзорность такого решения, понимая, что это путь в никуда: «Ведь предлагая моему предмету бежать со мною в Америку или в Швейцарию, я, может, самые почтительнейшие чувства при сем питал, да еще думал обоюдное счастье устроить. Разум-то ведь страсти служит; я, пожалуй, себя еще больше губил, помилуйте!» [Достоевский 1973: 215]. Именно потому, что Свидригайлов сомневается в возможности духовного воскресения Раскольникова, он предлагает тому деньги для поездки в Америку.

Подводя итоги проделанного исследования, мы можем отметить, что в русском национальном сознании константа «Америка» играла совершенно исключительную роль. Она не была связана с определенным идеологическим содержанием, не имела определенной отчетливой художественной формы, тем не менее, вполне определенно ориентировала читателей в художественном и идеологическом плане. Формы и функции константы постоянно изменялись, но эти трансформации не мешали участию в формировании определенной системы представлений. Развитие темы Америки в русской литературе имело какой-то свой ритм, свою особую логику развития, отличную от логики формирования «генеральной линии» литературного процесса.

Культурная константа «Америка» существовала в сознании русской культуры как некий ориентир, который был важен не своим конкретным содержанием, а самим фактом своего существованием, самой возможностью тем или иным образом воздействовать на сознание современников.

По сути дела константа «Америка» может быть сопоставлена с другой константой русской культуры – «Святая Русь», которая активно функционировала в древнерусский период. Собственно говоря, константа «Америка» как ориентир русской культуры стала развиваться в XVIII в., замещая константу «Святая Русь», – по мере того, как та стала утрачивать свое художественное и идеологическое значение.

Согласно древнерусским представлениям, «Святая Русь», как в дальнейшем и Америка, не имела определенных пространственных и временных границ (Царьград, например, являлся частью «Святой Руси», – так же, как и рай), не связывалась с какой-нибудь определенной национальной принадлежностью, государственным (политическим) устройством, и даже верой, – это, скорее, некая целевая установка, определяющая особенности жизни людей и характер их взаимных отношений (в чем-то близкое к понятию «соборности»).

Содержание и культурно-исторические функции таких констант могут не зависеть непосредственно от контекста исторического периода, от идейных или эстетических взглядов тех или иных носителей культуры.

В конкретных художественных текстах константы могут выполнять различные функции: присутствовать в виде идеи, структурировать содержание текста, становиться образом или символом, интерпретироваться в мифологическом контексте и «превращаться» в мифологему, воздействовать на организацию художественного пространства-времени, т.е. хронотопа.

Список литературы

Вельтман А.Ф. Колумб: драм. картины // Рус. вестн. 1842. № 5/6. С. 85-132 (Отд. 1).

Ветловская В.Е. Анализ эпического произведения: проблемы поэтики. СПб.: Наука, 2002. 211 с.

Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. 746 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 6.: Преступление и наказание. 1973. 423 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 15: Братья Карамазовы. 1976. 624 с.

Мельник В.И. И.А.Гончаров и Европа: к постановке проблемы // Гончаровские чтения, 1994: [сб. ст. и докл. участников Гончаров. конф. 1994 г.] / Ульянов. гос. тех. ун-т; отв. ред. В.И.Мельник. Ульяновск, 1995. С. 4-13.

Пазухин Н.М. На краю света: рассказ из жизни рус. путешественника. М.: Е.А.Губапов, 1893. 108 с.

Перетц гр. Колумб // Маяк. 1840. Ч. 12. С. 18.

Писарев А.И. Действие первое из Исторической комедии «Христофор Колумб» // Моск. вестн. 1829. Ч. 1. С. 48-80.

Полевой Н.А. Христофор Колумб: ист. рассказ: ч. 1. М.: А.С.Ширяев, 1835. 190 с.

Тютчев Ф.И. Сочинения: в 2 т. / сост., подгот. текста А.А.Николаева; общ. ред., вступ. ст. К.В.Пигарева. М.: Правда, 1980. Т. 1. 384 с.

Хлебников К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПб.: Мор. тип., 1835. 209 с.

Чинкова А.И. Мотивы Вавилонской башни и Америки в романах Достоевского // Актуальные проблемы литературоведения: сб. работ молодых ученых филол. фак. МГУ им. Ломоносова / Моск. гос. ун-т им.М.В.Ломоносова; ред. А.И.Журавлева, Г.Г.Ивлева. М., 1997. Вып. 2. С. 37-42.

“AMERICA” CONSTANT IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH CENTURY

Anna A. Arustamova

Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

Boris V. Kondakov

Professor of Russian Literature Department
Perm State University

The article considers content and semantic scopes of the “America” constant in the Russian literature of the 19th century. The analysis is based on a wide range of fiction, non-fiction texts and travelogues. The authors of the article pay special attention to the role of this constant in dynamics of social-philosophical ideas of that time and show conjunction between the “America” constant and other universals of Russian culture. Various ways of manifestation of this constant in the text are analyzed as well.

Key words: cultural constants; intercultural communication; khronotopos; image of America; symbol; myth.